

минаніяхъ („Библиот. для Чит.“ 1859 г., т. 154; сборн. Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, СПб., 1899, стр. 240—243, 251—252) разсказываетъ, что Пушкинъ написалъ это стихотвореніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ *Іюнь* или *Іюль* 1825 г. Пушкинъ читалъ „Цыганъ“ своимъ Тригорскимъ друзьямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Кернъ вспомнила объ этомъ чтеніи какъ разъ въ *этотъ самый день*, и въ *тотъ же день* поэтъ прислалъ ей.*) экземпляръ „Цыганъ“ а „нѣсколько дней спустя“ пріѣхалъ самъ и при ней „написалъ на какой-то запискѣ“ занимающее насъ стихотвореніе. „Въ это время“—говоритъ Кернъ—„онъ очень усердно ухаживалъ за одною особой, къ которой были написаны стихи: „Городъ пышный, городъ бѣдный“... и „Предъ ней, задумавшись, стою“... (т. е. „Ты и Вы“). Обѣ эти пьесы, посвященныя Олениной, написаны въ 1828 году, и, значить, „это время“, когда были написаны „Примѣты“,—1828-й годъ; а такъ какъ онѣ были написаны *черезъ нѣсколько дней* послѣ того дня (а не года), въ который Пушкинъ читалъ, въ 1825 г., въ Тригорскомъ своихъ „Цыганъ“, то стало бытъ „Примѣты“ должны бытъ отнесены къ Іюню или, вѣрнѣе, къ Іюлю 1828 года.

Н. Лернеръ.

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Извѣстный Московскій прокуроръ по уголовнымъ дѣламъ Петръ Наркизовичъ Оболенскій нынѣ владѣеть Бѣлкинымъ, Боровскаго у. Калужской губ., нѣкогда прекраснымъ помѣстьемъ графа Д. П. Бутурлина (двоюроднаго брата князю М. С. Воронцову). Обнинскому оно досталось отъ матери, рожденной Кавецкой. Кавецкому же (котораго прекрасный портретъ писанъ Тропининымъ) графъ Бутурлинъ-сынъ поручилъ свои имѣнія, которыми, при крѣпостномъ правѣ, онъ не могъ владѣть изъ Италіи (гдѣ сдѣлался католикомъ), и Бѣлкино, равно какъ и Воронежское имѣніе, досталось Кавецкому, вѣроятно тоже католику, какъ и его зять Наркизь Антоновичъ, Записки котораго напечатаны въ XI-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1891 года. Петръ Наркизовичъ тоже католикъ.

Остатки Бутурлинской знаменитой библиотеки сохраняются въ Бѣлкинѣ (родинѣ знаменитаго врача Иноземцева).

Нѣкто Гольць, городничій въ Боровскѣ, послѣ 1812 г., имѣлъ много дочерей, овдовѣлъ, женился вторично и отдалъ одну изъ дочерей на

*) Тогда жившей въ Петербургѣ. П. Б.

воспитаніе къ Бутурлинымъ. Она вышла за Кавецкаго (брата предыдущаго) и произвела на свѣтъ Лидію Павловну, супругу своего двоюроднаго брата П. Н. Обнинскаго (стало, они троюродные).

Сестра автора Записокъ, Апполина Антоновна, была матерью Владимира Иполитовича Дорогобужина, Костромскаго губернатора.

*

На А. А. Фета.

Подъ старость ключъ украсилъ фалды Фета;
Вполнѣ заслуженъ имъ такой почетъ.
Имѣеть важный смыслъ награда эта:
Кто безъ ключа стихи его пойметъ?

П. А. Козловъ.

Вспоминается отзывъ К. С. Аксакова о стихахъ Фета, что ихъ можно читать и сверху внизъ, и снизу вверхъ: все выдетъ какъ будто смыслъ. П. Б.

*

Нѣкто г-нъ И. Г. К. изъ Омска прислалъ въ нашу Записную Книжку слѣдующее.

По Западной Сибири проѣзжало одно высокое лицо. Въ то время въ Омскѣ степнымъ генераль-губернаторомъ былъ покойный баронъ М. А. Таубе. Уже и тогда это былъ высокій, убѣленный сѣдинами, представительный старикъ. Вотъ и рассказываютъ, что передъ пріѣздомъ въ Омскъ высокаго путешественника, баронъ Таубе послалъ тогдашнему епископу Тобольскому и Сибирскому Іустину (также убѣленному сѣдинами старцу) телеграмму съ приказаніемъ сопровождать высокаго гостя по его маршруту изъ Томска черезъ Тобольскъ въ Омскъ. Архіерея такое начальническое приказаніе лица, которому онъ совершенно не былъ подвѣдомственъ, возмутило, и о неумѣстности этого распоряженія онъ послалъ сообщеніе въ Синодъ, который также призналъ это распоряженіе роняющимъ достоинство архіерея. Поддержанный Синодомъ, преосвященный Іустинъ сопровождалъ рѣдкаго гостя Сибири только до города Тары (на рѣкѣ Иртышѣ, между Тобольскомъ и Омскомъ), гдѣ, съ милостиваго разрѣшенія его, принявшаго въ данномъ случаѣ сторону обиженнаго архіерея, откланялся и вернулся къ себѣ въ Тобольскъ, не побывавъ въ Омскѣ.

Генераль-губернатору была поставлена на видъ неумѣстность его распоряженія въ отношеніи неподвластнаго ему епископа. И вскорѣ послѣ того, баронъ Таубе поспѣшилъ въ Тобольскъ, чтобы лично принести извиненіе обиженному архіерею.

Скромно подѣхалъ гордый генераль къ архіерейскому дому, чтобы принести владыкѣ искреннее покаяніе, чего, повидимому, требовала и высшая власть; еще того скромнѣе генераль позвонилъ. Вышедшаго на звонокъ

служку генераль также скромно попросилъ доложить о себѣ владыкѣ. Но сего послѣдняго обуяла нехристіанская гордыня: онъ велѣлъ передать генералу, что епископъ боленъ и принять его высокопревосходительство не можетъ, и приказалъ заложить своихъ лошадей въ экипажъ.

И въ то время, когда баронъ Таубе возвращался къ себѣ на квартиру, Тобольскъ огласился колокольнымъ звономъ, означавшимъ, (какъ тутъ-же объяснили генераль-губернатору) что архіерей выѣхалъ изъ своей квартиры въ свою обычную прогулку въ ближайшій къ Тобольску живописный Абалякскій женскій монастырь. Обо всемъ этомъ баронъ Таубе донесъ въ Петербургъ, и на это донесеніе послѣдовало незамедлительно распоряженіе объ увольненіи преосвященнаго Іустина на покой.

Баронъ Таубе послѣ того еще долго управлялъ степнымъ генераль-губернаторствомъ и съ этой должности былъ переведенъ въ Государственный Совѣтъ за полную преклонностью лѣтъ. И. Г. К.

*

Покойный князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шахматовъ (съ которымъ я встрѣчался у Н. М. Смирнова) рассказывалъ при мнѣ, что, будучи юношей, ѣздилъ онъ въ Юрьевъ монастырь навѣстить постригшагося въ немъ дядю своего, который принялъ имя Аникиты. Нѣкогда Аникита и Фотій служили оба въ Морскомъ корпусѣ, Фотій законоучителемъ, а кн. Шахматовъ, извѣстный подъ именемъ *Безлаюльнаго* (такъ какъ въ стихахъ его почти не было глагольныхъ рифмъ), преподавателемъ Русской словесности. Монахъ-дядя повелъ юношу къ своему архимандриту. У Фотія сидѣли двѣ монахини, которыхъ онъ усовѣщивалъ, чтобы онѣ слушались свою игуменію; но тѣ продолжали рассказывать про нее разныя разности. Фотій крикнулъ: „Аникита, подай хлѣба!“ Когда хлѣбъ былъ принесенъ, Фотій взялъ лопотъ, харкнулъ на него и кинулъ подъ диванъ, на которомъ сидѣлъ. Прошло нѣсколько времени. „Аникита, подѣзай, достань оттуда хлѣбъ!“ Аникита согнулся, и когда держалъ лопотъ въ рукахъ, Фотій сказалъ ему: „сѣшь!“ и бывшій князь долженъ былъ исполнить приказаніе архимандрита. „Такъ вотъ какъ надо слушаться“, обратился Фотій къ монахинямъ и прогналъ ихъ отъ себя. П. Б.

